

Выход в город
Way out

Сцена из спектакля.
Фото В. Гордта

лирической музыкой, написанной для спектакля Евгением Стецюком.

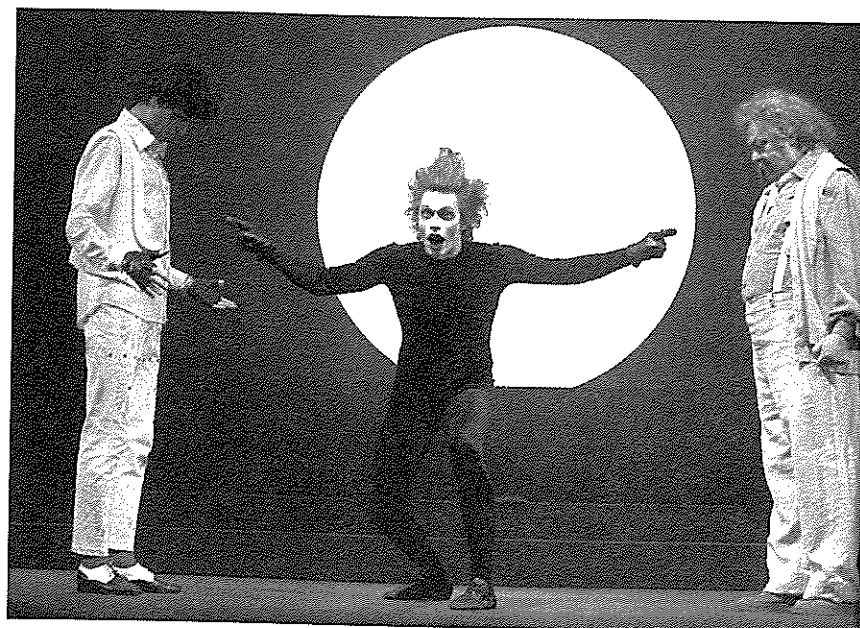
Фактурные костюмы подчеркивают очевидный конфликт истинного и ложного, подлинного и мнимого. Роскошные платья певицы Юлии Джули (Алиса Кондратьева), идеально белые костюмы министров (Сергей Романюк и Виталий Куклин), шик и блеск представителей высшего общества контрастируют с нарядами Аннунциаты (Виктория Криулина), Ученого (Егор Палько) или любого другого представителя народа. Прием простой и понятный.

Мир при дворце полон интриг, подлостей. Каждый скрывает свое истинное лицо, как та же Юлия Джули. На маскараде одна Аннунциата без маски: она держит ее в руках, проявляя нравственную стойкость и не желая изменять самой себе.

Ученый в спектакле больше похож на подростка-максималиста в джинсах. Размахивая руками, он хочет спасти если не весь мир, то всю эту чудесную страну. Молодой актер Егор Палько лихорадочно носится по сцене, даже когда не переживает юношеских любовных мук, а просто нарочито театрально проговаривает реплики. Его фантастически пластичная Тень (Егор Линников) — темная сущность с кошачьей грацией. Чертик, воспользовавшийся возможностью пробраться к трону. Тут надо отдать должное режиссеру по пластике Юрию Хамутянскому. Движения Тени завораживают и заставляют всматриваться во все ее пластические этюды.

Общая картинка неплоха. Но чего-то явно не хватает... Не удастся ничем оттенить это внешнее великолепие. Не чувствуется в сценическом тексте не то что острой политической сатиры, но и вовсе намек на нее. А думалось, что ларчик просто открывался...

Анна РОЩИНА

27 декабря 2025 г.

GIMME MORE

«Это Бритни, бич».
Театральная площадка «Узел».
Режиссер Никита Славич

Режиссер Никита Славич, любитель партиципативных форм, поставил форум-спектакль о фигуре Бритни Спирс.

Как мало, оказывается, нужно для искреннего воодушевления — песни Бритни на всю громкость, завораживающая ностальгия по нулевому, ни к чему не обязывающая поп-музыка и эксцентричные танцы... Но такие вайбы — только экспозиция и вставные номера спектакля, в центре же — вдумчивый разговор, диалог сцены и зала о противоречивой фигуре нашей современницы, поп-иконы и жертвы.

В этом разговоре участвуют актеры Мария Баева — в роли Бритни Спирс, Роман Михащук — в роли возлюбленного Бритни Джастина Тимберлейка и отца Бритни, Алла Еминцева — в роли матери Бритни, телеведущей, доктора, Никита Славич — в роли Джокера (то есть модератора разговора). Как это и предполагает формат форум-театра — акте-

Выход в город
Way out

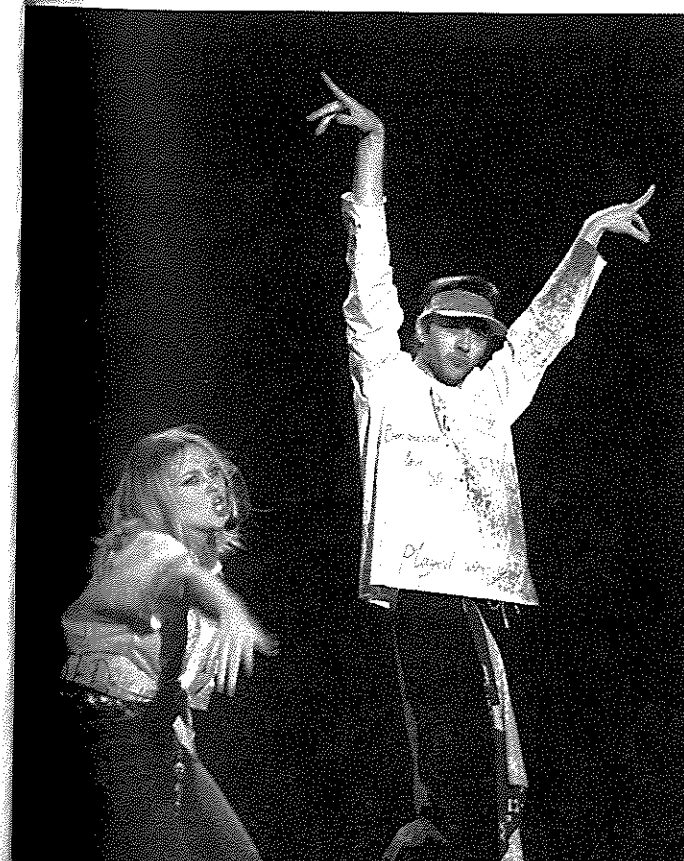

ры разыгрывают некоторые конфликтные ситуации, зрители-участники могут остановить сцену, задать вопрос, предложить другие варианты разрешения, переиграть, выйти на сцену и попробовать действовать от имени персонажа, но по-другому.

Основываясь на биографии Бритни Спирс и ее мемуарах «The Woman in Me», режиссер предлагает поразмышлять о разных эпизодах жизни Бритни — от начала карьеры 17-летней звезды до суда по снятию отцовской опеки. Ситуации крутятся вокруг конфликтов личной жизни и карьеры (выбор роли матери или имиджа певицы-девственницы), вокруг независимости (Бритни) и контроля (продюсеров, семьи, потом — врачей), вокруг сложного эмоционального состояния певицы (зависимости, психические расстройства).

Форум-театр в его идеальном варианте задает импульс обсуждения проблемы в общественном поле. Наверное, с этой задачей спектакль «Это Бритни, бич» справляется — по крайней мере, возникает дискуссия среди зри-

Д. Попова, Р. Михащук в сцене из спектакля.
Фото А. Медянцева

телей. Режиссер действительно находит неоднозначную, особенную историю для форум-театра: здесь икона эскапизма оказывается в центре социального конфликта, здесь не звезда пренебрегает общественными этическими законами (что мы в последние годы наблюдаем часто...), а социальные институты ополчаются против звезды. Может быть, оттого, что эта история настолько специфичная, мое отношение к этому театральному опыту странное. Бывают ситуации, к которым сложно (или вовсе не интересно) подключиться. Мировая слава в подростковом возрасте, музыкальная бизнес-индустрия, психические расстройства — тот опыт, которым обладает не каждый, та территория, разговор на которой возможен в умозрительных категориях (можно подключиться только, например, эмпатически). Мое легкое сожаление относится к тому, что форум-театр (с которым очевидно умеет работать режиссер) — полезный инструмент для говорения о конфликтах, которые действительно «болят» у сегодняшних петербургских нас. Просто обычных, не звездных, не специфичных — нас. А для обсуждения жизни звезд можно включить какую-нибудь старую или новую теле- или интернет-передачу. Думается, хорошо, если ток-шоу — ток-шоуво, театру — театрово.

Алена ХОДЫКОВА

28 декабря 2025 г.

И НЕТ НАМ ПОКОЯ...

«На покое». Спектакль по мотивам одноименного рассказа и другим произведениям А. И. Куприна.
Александринский театр.
Режиссер Валерий Степанов

Очень хороший артист Игорь Волков (правильно он сам отмечает, что на него «зритель ходит») в прологе гримируется у столика,

Выход в город
Way out

поставленного в коридоре верхнего яруса Александринки. Беседует с режиссером. Сценка милая, мягкая, понятная, режиссер зовет Волкова в какой-то сериал, где что-то будет сгенерировано ИИ, тот железно отказывается от новых технологий, и тут на него внезапно наваливается яростная тоска по старому театру. Он произносит нечто романтически-патетическое, не знаю, из какого рассказа Куприна, и зовет нас туда, за ним, в старый театр, который вроде как является синонимом живого искусства, натуральных страстей, подлинной жизни...

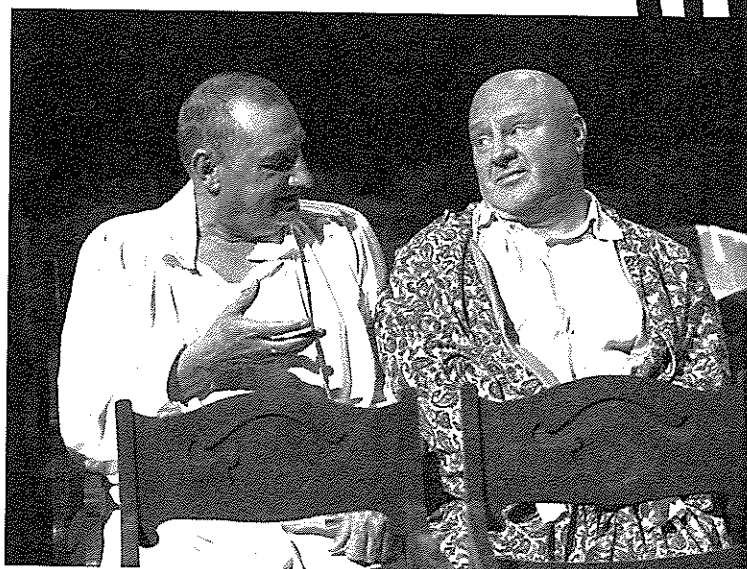
И мы, разделяя это влечение к подлинному и отвергая мнимое, идем за Волковым небольшой зрительской толпой на малую сцену. Ряды кресел, повторяющие александринский партер (прием каждого восьмого спектакля сезона, чтобы мы не забывали о театральности и зеркальности), завешены светлыми холстинами: так их «упаковывают» в театрах после спектакля. Здесь, в зале под сводами, они напоминают скамьи пустого храма... Мы готовы к мессе, реквиему, тоске, ностальгии, мы вот-вот припадем к источнику живого искусства... Но — увы. Главное чувство, которое дарит нам спектакль, — это когнитивный разлад и растянутое на час с лишним недоумение.

Миром, куда увлек нас Волков, оказывается затхлый приют для спившихся актеров, двое из которых (пошлый опереточный фигляр Лидин-Байдаров — Сергей Мардарь и звезда провинциальных антреприз Славянов-Райский — Игорь Волков) на протяжении часа привычно скучают, скандалят, предаются воспоминаниям о нелепо прожитой и пропитой жизни, общаются с суфлером Стаканычем и проститутками...

И это то место, куда нас вели как к источнику подлинного и несправедли-

во забытого? Позвольте, зачем мне этот старый театр пропойц и неудачников?

Нет, право, много загадочного в этом небольшом спектакле, поставленном по рассказу Куприна, который автор в начале прошлого века переделал в пьесу и принес на император-

И. Волков (Славянов-Райский), С. Мардарь (Лидин-Байдаров).
Фото В. Постнова (пресс-служба Александринского театра)

скую сцену. Полагаю, это не повод ставить его сейчас (театр полагает обратное), потому что Куприн писал о современности, о богадельне для спившихся провинциальных актеров, которых знал. Его рассказ — это такой вариант «На дне», написанный густо, гиперреалистично... Пьесу я не читала, а рассказ воспроизводит спертый воздух пошлой жизни, как умел его нарисовать Куприн. И мне совсем не хочется в эту духоту, к кислым щам и перегару, в абстрактные темпераментные распри Лидина-Байдарова со Славяновым-Райским. Их несыгранные роли и визит к проституткам (вспомним «Яму») мало волнуют: в этих героях нет драмы, а есть пропитая жизнь незначительных персонажей далекого былого.

Все полтора часа спектакля меня интересовало только одно: что имел в виду режиссер, когда звал нас в этот «приют порока», выдавая его за подлинный театр?.. Что у него с логикой?..

Марина ДМИТРЕВСКАЯ

Выход в город
Way out

6 января 2026 г.

ЛЮБОВЬ НЕ ПО АДРЕСУ

А. Соколова. «Фантазии Фарятьева». Театр-фестиваль «Балтийский дом». Режиссер Вацлав Дембовский, художник Анастасия Разенкова

В программке написано: «От создателей спектакля „Таня“». В. Дембовский несколько лет назад выпустил «Таню» на Малой сцене «Балтдома», вдумчиво поработав с пьесой А. Арбузова. Сейчас — вновь текст из советских времен (не из далеких 1930-х, а из более близких 1970-х годов), знаменитая пьеса Аллы Соколовой. С ней режиссер взаимодействует осторожно, как с хрупкой вазой, не желая применять грубую постановочную силу.

Прежде всего, пьеса освобождена им от временной и географической определенности — когда и где происходит действие, теперь неважно. В туманном будущем, в воображаемом пространстве осуществленной мечты? Когда Александра и ее мама (отчетливая работа Ирины Конопацкой) внезапно воодушевляются призрачной идеей переезда, они говорят о городе, где будут цвести каштаны, но младшая сестра Люба иронически комментирует: «И пальмы». Нисколько не веря в возможность перемены места жительства, она обещает посадить пальмы на балконе... А на авансцене справа и слева уже расположились — не пальмы, конечно, но некие тропические растения в горшках.

Удушливая, безнадежная атмосфера застоя, из которой герои Соколовой рвались не только в иные города, но и на иные планеты, не интересует сегодняшнюю команду. Здесь иная безнадежность — трагическое несовпадение любящих. «Кто-то пропустил свою очередь, и дальше все идет вкривь и вкось»: Фарятьев любит Сашу, она его — нет, потому что любит Бедхудова, который ее не любит, но и не отпускает, Люба отчаянно влюбляется в чудака Фарятьева, а он ее не видит и не слышит. Любовь изливается каждый раз не на того.

На сцене нет тесноты малогабаритных квартир, почти нет бытовых деталей. Это, скорее, музей смутных воспоминаний или фантазий — развешены пустые рамы, в них нет картин (только шагаловские влюбленные парят над городом в видеопроекции). Полумрак, подсвеченный таинственными бликами. Герои, как рыбы в аквариуме, неспешно перемещаются в волнах полупрозрачных тюлевых занавесей. В тюль оборачиваются, как в одеяло, чтобы уснуть прямо на столе; уходя к Бедхудову, за тюль в глубине сцены ускользнет красавица Александра — Юлия Кочнева, как русалка, плеснув хвостом, оставив рыдающую сестру и мгновенно забыв о Фарятьеве... Люба Александры Момот на наших глазах переживает катастрофу первой любви и невероятно преображается: жующий

Сцена из спектакля.
Фото В. Луповского